

• Памятники Тверской провинции

Бюст

Михаила Хилкова

В поселке Сонково, с западной стороны от железнодорожного вокзала, находится бюст земляка Михаила Ивановича Хилкова. Он был установлен в День железнодорожника 2 августа 2016 года при участии руководства РЖД и Тверской области. Ранее в Москве был открыт памятник «Создателям российских железных дорог» у Казанского вокзала со статуей князя Хилкова среди фигур знаменитых деятелей железнодорожной отрасли России XIX века.

Русский государственный деятель, действительный статский советник, он происходил из княжеского рода Хилковых, ведущего свое начало через князей Рязанских от удельных князей Струдовских. Михаил Иванович родился 6 декабря 1834 года в д. Синёво-Дуброво Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1885-1905 гг. он был министром путей сообщения Российской империи и внес большой вклад в строительство российских железных дорог, в том числе знаменитой Транссибирской магистрали. М.И. Хилкову было присвоено звание Почетного гражданина г. Иркутска, на станции Слюдянка в его честь установлен памятник.

Скончался М. И. Хилков 8 марта 1909 года в Санкт-Петербурге. Похоронен на погосте Головское Бежецкого уезда (ныне территория Сонковского района) на фамильном кладбище дворян Неведомских, рядом со своей второй супругой А.Н. Хилковой (Неведомской). Здесь установлен Мемориальный обелиск.

«МИР, НА БЕССМЕРТИИ

РАСПЯТЫЙ...»

Наталья Шабанова,

г. Андреаполь

Родилась и выросла в деревне Баранька Андреапольского района. Окончила Старицкое педучилище, а позднее Московский Государственный заочный педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы в школах района. Более двадцати лет была заместителем директора Детского дома по учебно-воспитательной работе в посёлке Чистая Речка. Публиковалась в периодической печати. Автор трех поэтических сборников.

МИР И ВОЙНА

Мир и война.
Всему началом
был сорок первый,
грозовой.
Лицом к лицу
с ним не встречалась,
но он во мне –
год роковой.

Я предъявить
могу по праву
и укорить его за то,
что он бомбил
мою Державу
и родовое жёг гнездо.

И по вине той
брани ярой
мне видеть деда
не пришлось.
«Без вести павший»
как ударом
в сердцах родных
оборвалось.

На той войне
в болотных топях
погиб мой дядя,
а отец
с боями топал
по Европе
и нёс Победу,
как венец.
Война и Мир.
Какой ценою
платила каждая семья!
Бессмертный полк –
не призрак боя,
он – настоящая война.

Гляжу в те лица,
что рекою
в Бессмертном
движутся полку,
без боли в сердце
(я не скрою),
без слёз
их видеть не могу.

Они, такие молодые,
парят над нашей головой
в одном строю
и все живые,
к нам заглянувшие
домой.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Год сорок первый – сорок пятый!
Меж них – бессмертия река.
Мир, на бессмертии распятый,
хранить должны наверняка!

ЗВУЧАЛА ПЕСНЯ ПОД ГАРМОШКУ

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой...».
Я вспоминаю, как бессонно
Плыл летний вечер над рекой.

Играла за мостом гармошка,
Пел эту песню гармонист.
Грустила мама у окошка,
Был цвет лица её землист.

Басы вздыхали глухо, ровно,
Тростник шумел наперебой...
«Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой».

Я в полумраке увидала,
Забуть и ныне не могу,
Как слёзы мама вытирала,
Как рдел костёр на берегу.

А песня силу набирала,
Чужой бедой вползала в дом,
Уже не плакала, рыдала
Гармонь над сумрачным прудом.

«Сойдутся вновь друзья-подружки...» –
С душой выводит гармонист.
Свисает месяца горбушка,
С берёзы опадает лист.

В воде блистают звёзд макушки,
Цикады поднимают гам,
«И пьёт солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам».

Прижавшись к маминой ладошке,
Родным теплом её дышу.
И отдалённый стон гармошки
С тех пор в душе своей ношу.

СЕСТРИЧКА В МЕДСАНБАТЕ

Она была сестричкой в медсанбате,
С фигуркой тонкой, жиденькой
косой.

На ней висело форменное платье,
Не выделялась девичьей красой.

Но сколько силы внутренней имела.

Какой запас терпенья и любви,
Когда кормила раненых и пела,
И умоляла: милый, потерпи!

Каким особым светом озарялись
В тот миг её усталые глаза.
Хотелось плакать, а она смеялась,
Здоровых сил вздымая паруса.

И безнадежных словом поднимала,
Теплом делилась, трогая рукой.
И нежно так по-женски обнимала:
– Живи, солдатик, рано на покой.

Цвела сирень.
– А помнишь, как с сиренью
Ходил ты к милой, бегал с ней в кино?

Ты говоришь, любовь была осенней?
Ну, пусть и так. Пусть осень. Всё равно.

Зарделись щёки. Лёгкая улыбка
Сменила грусть:
– Спасибо, я живой.

С тобой, сестричка, повезло нам шибко,
С такой поддержкой мы готовы в бой.

Была сестричкой девочка в санбате.

Худые плечи, жидкая коса.
С какой надеждой все бойцы в палате
Искали взглядом тёплые глаза.

ВДОВЬЯ ДОЛЯ

Военных лет горбушку серую
Припомнит, сидя у окна,
Когда одной – единой верую
С своим Отчеством жила.

Зачем же годы те военные
Не забываются никак,

Родные души убиенные
И в прах поверженный Рейхстаг?

Напрасно солнце в небе жмурится,
Глядит так ласково в окно.
В глазах вдовы – седая улица,
Фашистом взятое село.

И те поля, под корень выжжены,
И бабий крик, и детский плач,
И сирота, войной обиженный,
С фашистской свастикой палач.

И в той слезе, слезе непрошенной,
Вся боль скопилась и тоска.
И белым снегом припорошена
Седая прядка у виска.

Глядит устало. Одинокая,
И ни кровиночки в лице.
Да где же стать её высокая,
Да где же силушка, да где?

Но держат память годы грозные,
Отец и муж, и сын-солдат,
И тяжкий труд, и ночи поздние,
И нет вернувшихся назад.

Весна черёмуховой нежности –
Победной радости глоток.
И пониманье неизбежности,
И новых трудностей виток.

В ладонях хлеб, слезами смоченный,
Нательный крестик на груди.
Всю жизнь молила: «Святой, Отче...»

Просила: «Господи, приди!..»

И пусть давно уже состарилась,
Но не сломилась, не сдалась.
И от разлуки не отчаялась,
И от людей не отреклась.

В минуты тихого забвения
Наружу вырвалась боль
И горечь тяжкого смирения,
И к невернувшимся любовь.

Но ни ответа и ни весточки.
Весенний ветер в вышине.
Лоскут георгиевской ленточки –
Святая память о войне.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 51 (июль)).

Письмо сорок восьмое

Я все думаю как-то «назад». Правильно говорят, что русский человек «задним умом крепок». Но лучше уж поздно, чем никогда. Так вот. Господь дал человеку все на этом ограниченном шаром пространстве. Ничего нигде человек больше не берет, не брал и брать не будет. Все на этом пространстве и все им ограничено. Все не беспредельно и не бесконечно. Я думаю, никто с этим спорить не будет. Сейчас 1300 ученых из 95 стран заявили, что 2/3 экоресурсов на планете уже израсходовано. Официально заявили! И что? – Да брось ты этих ученых. Наливай... А по идее, если есть воображение, планета должна буквально замереть, как вкопанная. Такие сообщения вообще-то парализуют. Куда там... Дурак-то, он опаснее врага.

Господь не давал нам ни партий, ни экономики, ни СМИ, ни проституток, ни ядерных ракет. Все это человек придумал сам, движимый самыми плохими своими качествами: жадностью, ленью, завистью, злобой, ненавистью, развратом, тягой к развлечениям и т. д. И все это он еще и обозвал «развитием», «прогрессом», запутал всяческой демагогией.

Письма сельского почтальона

Сатана-то – он отец лжи. И если бы человеком двигала любовь к ближнему, а не к себе, любимому, жизнь на земле была бы совсем другая.

Представь себе, каждый начальник живет скромно, а все богатство распределяет среди подчиненных. Каждого, кто пытается ему льстить, он тут же увольняет, а за попытку взятки – сажает. При этом все время просит своих избирателей отпустить его в монастырь... Да кто же такого отпустит?

Каждый глава любого поселения думал бы только о том, как обеспечить жителей, особенно стариков и инвалидов, медпомощью, дровами, транспортом, связью и т. д. А в школе бы особым уважением и отличными оценками отмечались те дети, которые помогают старикам. Старость-то перечеркивает всю жизнь. Одинокая, больная, беспомощная. Но эстафета, налаженная с детства, всем дает гарантию ухоженной старости. А каждый торговец смотрел бы на народ не как на «дойную корову», а как на родителей, что его кормят, а то у нас в центральном поселке сахар стоит 17 рублей за килограмм, а в деревенском магазине уже 21 рубль. Кто же это так мучительно, «в поте лица» заработал себе по 4 рубля с каждого килограмма? Вроде бы, и бензин в тот период не дорожал.

Народ-то за века своего существования нашел всему этому определение: «Палат каменных – не построить трудом праведным».

А представляешь, что каждый торгующий (по-другому в нашей стране сейчас денег не возьмешь) вдруг, бывает же такое воображение, подумал: «Вон дом престарелых, ни белья толкового, ни питания, отвратительный уход, нищета, брошенная старость. Дай-ка я най-

му хороших сиделок, медсестер, другой на питание денег подбросит, третий сделает ремонт...». И все деньги, которые в стране уходят в игровые дома, на развлечения, покупку дорогих бессмысленных вещей, на всякие презентации и фейерверки, пошли бы на исправление бед, причиненных властью своему народу. Пожалуй, мы бы начали ногами пятиться назад. К Раю.

Вот до чего может довести воображение и размышление.

Господь сказал: «Не сотвори себе кумира, ему и будешь служить». Но человек-то все сам! Все сам! Нам ведь Господь не указ... Вот тебе еще один пример для раздумий.

Зашел я тут к соседу на пасеку. Своих-то пчел еще не открывал, а у него уже облетались. Все вокруг опоношено, весь снег желтый. Посмотрел я на это, и опять «не те» мысли в голову полезли (вот что делает пенсия и свободное время). Значит, тысячи лет пчела строила свою систему выживания, принаравливалась и все заносила в память, в свою, так сказать, генетику. В результате во времена древней Киевской Руси, если верить летописям, мед буквально тек по земле. Никто не брал его в дремучих лесах, а ведь до сих пор еще находят соты в дуплах по 5-7 метров длиной. Пчелам столько не надо, а человек (тот, древний, не развращенный человек), брал себе только то, что ему нужно, да еще и излишки в виде меда и воска отправлял с караванами «из варяг в греки». Потом человек завёл борти в дуплах и начал охранять свои пасеки. Когда пошла хорошая прибыль, возникла жадность. Кое-кто начал уничтожать пчел, закуривать их, ну и так далее, как во всем.

(окончание на стр. 4).

(начало на стр.3).

Меду же по земле ни гдене течет, а мы с товарищем много ходили по лесу в поисках диких пчел. Почти нет!

Жадность породила сомнение. Прокопович изобрел рамочный улей, и у него на пасеках их аж до 15 тысяч было. Зачем?! А прибыль! Производство. Ну и понеслось. Бедные пчелы. Сколько они ни увораживались, чтобы просто выжить, не вышло. От науки не уйдешь! Сотни конструкций ульев. То выше, то ниже, то шире, то уже. То со дном, то без дна, рамки такие, рамки сякие, эдакие. А чем все закончилось? Оказывается, среднерусская пчела для нас самая подходящая и, хорошо бы, в самом чистом, не мутированном виде... Какое глубокое открытие! А где она теперь, эта самая русская пчела? Ее можно только в глубоких дремучих лесах да в тайге найти, и то... Ну, а если и найдем? Откроем справочник по пчелиным болячкам и узнаем, что здоровых пчел тут же заражают местные уроды. А кто породил десятки и сотни пчелиных болез-

ней? А вот тот, кто все время экспериментирует. Вот ты сам посуди, что если у тебя каждые пять минут крышу с жилья снимать будут и всю мебель переставлять, посыплют на тебя какой-нибудь дрянью и снова закроют. Только ты пришел в себя, опять крышу снимают, кого-то подселяют, из холодильника твоего все хорошее выгребают, а взамен оставляют какую-то несъедобную дрянью и снова закрывают. И знаешь, чем все это кончилось? В Америке появились пчелы-убийцы. Это у них так срезонировал инстинкт самосохранения, они нашли виновника всех своих бед и мстят нам. Это страшное сообщение. Я долго не мог прийти в себя, когда прочел его. Пчелы целенаправленно убивают людей, потому что мы забыли главное правило: «Не трогай!!!» Ты ведь знаешь, есть такое театральное правило закулисное «не тобой положено – не трогай!». Так и тут: не тобой создано – не вмешивайся. То, что положено, они сами соберут и тебе оставят. А мы натаскиваем пчел на клевер, на липу, на то, на

се. Господи! Если Ты хочешь казать, то отнимаешь разум. Ну, а представь, если все вдруг разом поумнеют? Что тогда делать со всеми академиями, институтами и чиновниками от меда? Вот то-то и оно.

Если все поумнеют, кто будет покупать всякую дрянью, поставляемую нам из-за рубежа, и наполнять карманы десяткам тысяч бездельников?

Я вот смотрю отстраненным взглядом на Москву, и крутится у меня в голове одна аналогия.

Чем больше стареет, болеет и дряхлеет какая-нибудь «свободная женщина», тем ярче и сильнее она красится. Это я перефразировал Мопассана. Но суть-то одна – чем больше гнили внутри, тем больше краски снаружи.

Скворцы прилетели. Все. Хватит. Пора на улицу, и... бегом, бегом, бегом. Весна! Пора работать.

Приезжай,
твой Д.В.А.
май 2005

В Торжке отреставрируют монастырь

Объявлен конкурс на разработку проектной документации для проведения реставрационных работ объекта культурного наследия. Речь идет об уникальном памятнике культуры, Борисоглебском монастыре XVII-XIX веков в городе Торжке. На долгожданный проект Министерства культуры Российской Федерации предполагается потратить 38 миллионов рублей, источником финансирования выступает федеральный бюджет. Подрядчик должен будет провести научные исследования и изыскания на территории монастыря, подготовить проект и смету для его дальнейшей реконструкции. Проект должен предусматривать, в том числе, реставрацию и воссоздание монументальной живописи Входаиерусалимской церкви и Борисоглебского собора, благоустройство территории, организа-

цию автостоянки, доступа для маломобильных граждан, архитектурную подсветку комплекса.

Из житийной литературы XVII века следует, что этот монастырь старше Киево-Печерской лавры, Основал его в 1038 году боярин венгерского происхождения Ефрем, бывший конюшим киевского князя Владимира I Святославича. Причиной, подвигшей боярина к основанию монастыря, было убийство Святополком Бориса и Глеба, после которого он решил удалиться от светской жизни и заложить монастырь на берегу реки Тверцы. Изначально Ефрем якобы основал обитель на возвышенности у реки, а затем был уже построен храм, получивший название Борисоглебского в честь Бориса и Глеба и давший название всему монастырю. В исторических источниках первые сведения о Торжке появляются в середине XII века.

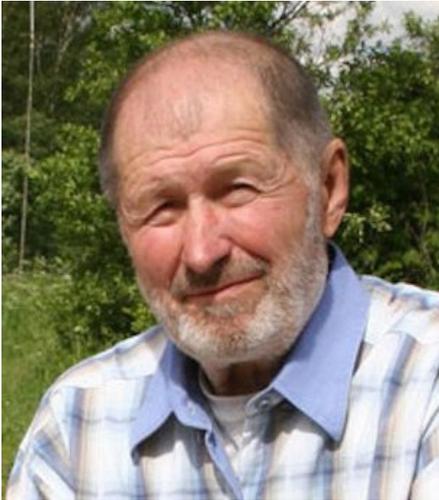
За минувшие с той поры столетия много раз разорялся и снова восстанавливался. Восстановление обители началось еще в 1993 году. Масштабная реставрация стартовала в 2019 году после обращения патриарха Кирилла к властям. К началу 2021 года здесь были восстановлены настоятельский и братский корпуса, шли работы на надвратной колокольне. С завершением реставрации Борисоглебского монастыря туристическая привлекательность старинного Торжка еще более возрастет.

Б. Лапиков

«ЧИСТЫЙ ЛЕС» ОСИРОТЕЛ

Памяти Валентина Сергеевича Пажетнова

Утром 8 июня, в первой половине дня, я разговаривал по телефону с известным тверским историком и краеведом, доктором культурологи, профессором Вячеславом Воробьевым. Говорили о замечательной книге Валентина Пажетнова о природе и диких животных «Рядом с нами...». Мнение наше было единодушным: книгу обязательно нужно включить в рекомендательный список литературы для учащихся младших классов и разместить на сайте областного института усовершенствования учителей. Вячеслав Михайлович напомнил о предстоящем 85-летию (20 июня) Валентина Сергеевича. Но в тот же день мы оба были потрясены известием о том, ученый с мировым именем В.С. Пажетнов трагически погиб на озере (причиной стал сердечный приступ).

Я был знаком с Валентином Пажетновым сорок пять лет, с тех пор, когда он работал еще научным сотрудником Центрально-Лесного биосферного заповедника, охватывающего часть территорий Нелидовского, Андреапольского, Пеновского, Селижаровского районов. Впоследствии Валентин Сергеевич стал директором этого заповедни-

ка, а в 1985 году семья Пажетновых организовала в деревне Бубоницы Торопецкого района уникальную биологическую станцию «Чистый лес». Ее главной задачей было выхаживание медвежат-сирот, чтобы выпустить их затем в дикую природу. Всего их было спасено более двухсот. Валентин Пажетнов – доктор биологических наук, профессор, заслуженный зоолог России, автор множества научных статей и более чем десятка интересных книг. В 2018 году он и его супруга Светлана Ивановна были названы «Золотой семьей России».

Еще раз перечитываю книгу «Рядом с нами...» с дарственной надписью: «Дорогому Валерию Яковлевичу Кириллову, замечательному писателю о жизни и судьбах людей советского и российского времени. Здоровья Вам, Семье, благополучия, успехов и любви «домашних», почитания «общественных». С поклоном, сердечно, Ваш Пажетнов. Декабрь 2020 г. Биостанция «Чистый лес». В моей домашней библиотеке представлены и другие книги Валентина Сергеевича, а в личном архиве хранятся несколько его теплых и сердечных писем.

В последние годы мне довелось не раз побывать на биостанции «Чистый лес», где я убедился в том, насколько важное, серьезное дело делает здесь Валентин Сергеевич и все семейство Пажетновых. Несомненно, память об этом выдающемся человеке должна быть увековечена, а дело, которому он посвятил свою жизнь, продолжено.

«Двинский бережок» публикует рассказ В.С. Пажетнова «Щепка» из книги «Рядом с нами...» Большинство иллюстраций в ней выполнены ее автором.

Валерий Кириллов

Щепка

Эта лисичка поселилась вблизи нашей деревни с середины лета. Поведение ее по отношению к людям не отличалось особым страхом, и мне не однажды удалось ее перевидеть. Быстрый и лёгкий зверек в летней, «щуплой одежке» казался тощим, с несуразной, узкой головой, непомерно большими ушами и тонким, вовсе не лисьим хвостом. При этом лиса была заметной «меченой»: на левом ухе хорошо просматривался «выщеп». За эту внешнюю особенность я прозвал ее «Щепкой».

К осени лисичка исчезла, и я подумал, что она попала в беду – врагов у этого зверька хватает: могут напасть волк, бродячая собака, рысь. А то и от человека можно получить смертельное наказание за утащенную со двора курицу. Не раз она подбиралась и к нашим курам, да только поживиться не смогла - куры в нашем дворе сидят в надежном вольере.

Зима в этом году началась с необычной, суровой, снежно-ледяной напасти. В мороз пошел мокрый снег, который налипал на ветках деревьев толстым белым блином, и они согнулись к земле в суровом поклоне суровой хозяйке-Зиме. Некоторые деревца не выдержали непомерной тяжести и сломались. Лес выбелился так, что даже ёлки едва просматривались через эту белизну робкими тёмными прорезами. Прикрыл мокрый снег и поля, схватился морозной коркой-настом. Позже на эту корку легкой шубкой лёг новый слой снега. От такой двойной изоляции через снег и ледяную корку

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 5).

создались особые условия – к поверхности снега не проходили от земли и живущих там мышей ни запах, ни издаваемые ими звуки. Трудно стало лисам охотиться.

Начали появляться их следы вблизи селений – мышью и крысой здесь разжиться можно, а то и чем-нибудь с людского стола. Объявилась лисица и у нашей деревни – чуть не в каждое утро тянулись ровной ниточкой ее следочки то у одного, то у другого дома. Но ни разу с начала зимы никто из деревенских ее не видел. Поведение, вовсе не похожее на то, которое наблюдалось у Щепки, и я никак не предполагал, что в деревне появится старая знакомая. Собаки у нас сидят в вольерах и, естественно, нуждаются в прогулках. Без надзора, по нашим правилам, их отпускать нельзя – могут причинить зло лесным обитателям. Территория вокруг деревни является заказником.

Ясным морозным утром я вышел с собакой на прогулку. Мы прошли по дороге, побывали в бору, потропили по следу куницы и белки и вернулись в деревню. Пёс хоть и происходил от лаек, но никогда на охоте не был, отличался покладистым характером и особой добротой ко всем живым существам, будь то люди, домашние цыплята, куры, кошки или дикие звери и птицы.

стр. 6

Мы шли по дороге, собака трусила чуть впереди меня. До дома оставалось едва сто двадцать метров, когда из-за сарая крайнего лома выскользнула лиса и шмыгнула через дорогу у самого носа собаки! Короткий зимний день уже перешел вечер, но света вполне хватило, чтобы рассмотреть изящного в своей грации красивого, ярко-огненного зверя с пышным («трубой») хвостом и выщепом на левом ухе – Щепка!

Я с радостным восхищением проводил взором плавно «утекающую» по полю лисицу. И только после этого обратил внимание на собаку, которая улеглась на дороге, как раз там, где только что пробежала зверюшка, и что-то грызла. На лисицу пёс «не положил», как здесь говорят, никакого внимания. Я подошел. Собака грызла довольно большой кусок мёрзлого мяса! Где и как лисица раздобыла такой «харч», оставалось только гадать. Я порадовался замечательным изменениям, которые произошли во внешности Щепки.

Сейчас это прозвище к ней никак не подходило. К зиме она отпустила добротную шубу и теперь походила на дородную купчиху. Вместе с переполнившей меня радостью закралось и огорчение.

В трудную пору лисичке удалось раздобыть сытную еду, которой ей хватило бы не на один день, и тут же случилось её потерять. – собака, смертельная лисья опасность, попала ей на тропе! Откуда было знать Щепке, что этот пёс для нее не представлял никакой опасности. День принёс ей счастливую удачу, и тут же случай, страх перед собакой безжалостно отобрал добычу. Пришла удача и... ушла.

Прошла не одна неделя после нашей встречи с лисой. Её следы всё так же появлялись по утрам то в одном конце нашей деревни, то в другом. Может, это были следы и другой лисицы – увидеть зверька так близко, чтобы можно было рассмотреть у него уши, не пришлось. Но я чувствовал, верил, что это была Щепка с изменившимся оборонительным поведением в сторону повышенной осторожности. Как тут не подумать о лисьей хитрости, направленной на то, чтобы в деревне, вблизи своих извечных врагов – людей, сбересть в целостности свою дорогую шубу!

В бескормицу лисы ходят широко. Может, кто в других местах и посягал на ее целостность. Откуда Щепке было знать, что в нашей деревне давным-давно ни зверей, ни птиц никто не трогает? Заказник.

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Алексис

Наталья Владимировна Леонтьева (литературный псевдоним Алексис) родилась в 1989 году в г. Удомле. Выпускница филологического факультета Тверского Государственного университета. Работает педагогом-организатором в Удомельской средней школе. Автор поэтического сборника «Исповедь Чёрного ферзя» (Тверь, 2012). Лауреат региональной премии «За заслуги в литературе имени Б.Н. Полевого и международного фестиваля «Поющие письмена» в номинации «Творчество молодых».

РУССКАЯ ДОРОГА

За спиной – пропыленная скатерть
дороги,
Перешитая шагом, стезок за
стежком...
Из-за тучи прищурился серп
однорогий –
Знает месяц, что ночью идти
нелегко.
Злые, черные тени ложатся под
ноги,
Ни следов, ни колодца, куда ни
свернешь.

Мне б напиться воды, мне бы угол
убогий,
Но вокруг ни души... Начинается
дождь.
Вдруг – деревня. Что дом – то
живая могила.
Тот сгорел, тот разохся почти до
крыльца.
Никого – только свищет нечистая
сила,

Да сверкает коса без подмоги
жнеца.
Затопило церквушку, но, в пику
преданьям,
Колокольного звона окрест не
слыхать,
На завалинке дремлет крапива
седая,
Как моя, постаревшая в горестях,
мать.
За спиной – пропыленная скатерть
дороги,
Наугад пробираюсь, не видно ни
зги,
А не Русь ли со мной, исколовшая
ноги,
Что-то ищет в напевах щемящей
тоски?
Все мы бродим во тьме, и, надеясь
на чудо,
Ждем, что в небе петух
расплескает свой крик.
Но куда мы идем? И явились –
откуда?
Тишина... Только ветер качнул
борщевик.

Василий Рысенков

Родился в 1966 году в поселке Кречевицы Новгородской области. Вырос в деревне Воропуни Торжокского района, недалеко от села Берново. Служил в Советской Армии. Окончил Калининский сельскохозяйственный институт. Работал агрономом, учителем в школе. Сейчас преподает в Торжокском колледже Росрезерва. Автор сборников стихотворений: «Запоздалые молитвы» (1997), «Синичий монастырь» (1999), «Ольховые облака» (2002), «Средство от одиночества» (2006),

«Четвёртое измерение» (2009), совместной с братом Михаилом Рысенковым книги «Закат в четыре руки» (2016). Автор серии детских сказок «Королева Хомяков». Член Союза писателей России. Лауреат премии имени М.Е. Салтыкова-Щедрина.

* * *

Из старых книг построенный редут –
на этом, далеко не белом, свете...
Но от меня какой-то правды ждут
в безвременье блуждающие дети.
Уже давно советчику темно.
Чужая песня разве сердцем спета?
И остаётся вымолвить одно:
Сорвите созревающее лето!
Пусть в жизни я не понял ни черта,
но знаю: лечит слепоту и раны
последняя святая чистота –
черёмухи и майские туманы.
Опять среди развалин и гробов
гуляет непричёсанное детство,
и в белый сад, крылатый, как
любовь
глядят, и всё не могут наглядеться
дома с глазами брошенных собак...
Да, жизнь бесила, но по силам
бремя.
А мне все не состариться никак,
хотя и понимаю: время, время...

21 ВЕК

Не хочу я раскрашивать век
вчерашний –
Плещет чёрная музыка из траншей.
Скучно в девятнадцатом? В двадцатом – страшно,
В двадцать первом – тошно живой
душе!
На закате века – тревожно, гулко,
Пляски на развалинах, злой излом,
Нашей нищей юности закоулки
С пьяными надеждами за столом.
Что там «по понятиям»?
Брось, не слушай!
Вспыхнет май сиренями по
дворам.
Ведь и там мерцали глаза и души,
Ложь не закрывала дорогу в храм.
Поднимите головы!
Добрый вечер!
Вон, не оцифрованный, кружит
снег.
Человека вряд ли расчеловечит
Даже двадцать первый
бесстрастный век.

• Литературное краеведение

« Я С Л А В Ы Н Е И С К А Л ... »

Владимир Соколов

Родился 18 апреля 1928 года в г. Лихославле. В 1952 году окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор многих поэтических сборников. Лауреат Государственной премии СССР (1983), первый лауреат Государственной премии России имени А.С. Пушкина (1985), отмечен государственными наградами СССР. Умер 24 января 1997 года. В Лихославле в 2002 году имя Владимира Соколова присвоено центральной районной библиотеке.

* * *

«Можно жить и в придуманном мире», – Мне сказали. Но правда ли это? Можно в мире? Как в греческом мифе? Как в легенде? Как в шутке поэта? Можно? Это не сложно. Ребёнку На рассвете. На девичьем утре. Но когда ты вдеваешь гребёнку В настоящие взрослые кудри, Но когда что-то кануло в шири, А пороги лишь ветром обиты, Можно ль плакать в придуманном мире От придуманной горькой обиды?

Я себе хорошо представляю,
Как по детскому зову преданья,
Как по знаку мечты оставляю
Все мирские дела и свиданья
И вступаю в придуманный город,
В сад придуманный, милый до
дрожи.

На придуманном озере гогот
Лебедей. Я придумал их тоже.
Я придумал и даль, и округу,
И подругу придумал, и брата,
И врага сочинил я, и друга...
Ты, конечно же, не виновата,
Но заметил я, душу очистив
От земного, приняв неземное,
Тень летит от придуманных

листьяев

На моё безысходно земное,
Где не может пока что по маю
Цвезть сухумская роза в Сибири...
Но не думайте, я понимаю,
Можно жить и в придуманном
мире.

* * *

Безвестность – это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье – это хуже.
Оно, как слава. На виду.

* * *

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идёт на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чём не скажу ему,
Я ни о чём не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

* * *

Я не боюсь воскреснуть. Я боюсь,
Что будет слишком шумно. Потому
Я медленно стихи свои читаю.
Я оставляю паузы. Для шумов
Технических и прочих. Будет час,
И человек, похожий на меня,
Найдёт мою потрепанную книжку,
И я в душе грядущей оживу
На миг.

И в этом всё моё бессмертье.
Светлейте, птицы, зеленейте,
травы,

Да упасёт вас время от отравы.
И нам другой совсем не надо

славы,

Как только той, что будет.
Иногда.

* * *

Из переулка сразу в сон
Особняков, в роман старинный
И к тишине на именины,
Где каждый снами угощён.

Из переулка сразу в тишь
Ещё торжественней и глубже,
Где тает лист, где блещут лужи,
Где каплет с порыжелых крыш...

Я никогда не забывал
О том, что ты меня любила,
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Но всё, что здесь когда-то было,
Всё, что нам флюгер напевал,

Я иначе именовал,
Усталый, пыльный и вокзальный,
Когда ты с нежностью печальной
Приблизилась: ты опоздал.

Из переулка – сразу в путь.
Твой переулок слишком дорог,
В нём тёмных лип столетний
шорох
Всё так же просит: не забудь.

Мы жили здесь без гроз, без слёз,
Средь ветхих стен – на слух, на
ощупь.
Однажды вышли мы на площадь,
Нас ветер в стороны разнёс.

* * *

М. Rogovskoy

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

Оно так долго мучило
Своим непостоянством,
Что мне с ним жить наскучило,
Как дорожить тиранством.

Я так боялся сызмала
Остаться в жалком прахе.
Я делал всё. Но сызнова
Томился в том же страхе:

Бежит, бежит, не поймано,
Не повергаясь в трепет,
Что мне своей рукой оно
Лицо другое лепит.

Ты плачешь в поздней темени,
Что годы жизнь уводят?
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

Есть в нашей повседневности
Одно благое чувство,
Которое из ревности
Дарует нам искусство, –

Не поддаваться времени,
Его собою полнить
И даже в поздней темени
О том, что будет, помнить.

Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдёт, а я останусь!

* * *

Не торопись. Погоди. Обожди.
Скоро пойдут проливные дожди.

Не говори мне того, что я сам
Скоро узнаю по чьим-то глазам.

Не торопись. Помолчи. Погоди.
Ведь у меня ещё всё впереди.

Тают дороги. Ломаются льды.
Дай постоять на пороге беды.

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело,
И душу – до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

* * *

Когда смеются за спиной,
Мне кажется, что надо мной.

Когда дурное говорят
О ком-то ясного яснее,
Потупив угнетённо взгляд,
Я чувствую, что покраснею.

А если тяжкий снег идёт
И никому в метель не выйти,
Не прогуляться у ворот,
Мне хочется сказать: простите.

Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом

На москворецком берегу
Есть дом её с крутым фасадом.

Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придёт ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чём не виноват.

* * *

Нет школ никаких. Только совесть,
Да кем-то завещанный дар,
Да жизнь, как любимая повесть,
В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
Как школила юность мою
Война и краюшка сырая
В любом всероссийском раю.

Учебников мы не сжигали,
Да и не сожжём никогда,
Ведь стекла у нас вышибали
Не мячики в эти года.

Но знаешь, зелёные даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты.
Берёзы. Нет школ никаких...

* * *

Она души не приняла.
А я старался. Так старался,
Что и свои забыл дела,
И без иной души остался.
Я говорю о ней: была.

Нехорошо. Она живая.
Она по-прежнему светла.
Она живёт, переживая,
Но – там, где я сгорел дотла,
С ней всё на свете забывая.
Я говорю о ней: была.

Она души не приняла.
Но это – малые дела
Среди дерзаний и сказаний.

Живи, да будет лик твой тих
И чист, как той весною ранней,
Среди оставшихся в живых
Воспоминаний...
Поминаний.

• Публицистика

СПРОС НА «РОДНЫЕ ОДЕЖКИ»

БОЛЬШЕ тридцати лет назад «Советская Россия» (№149 (10 000) от 30 июня 1989 года) напечатала статью Ивана Васильева (в ту пору народного депутата СССР) «Спрос на убежденных». «Спрос на убежденных сегодня велик. Им-то газеты и должны зажигать «зеленый», – размышлял Иван Афанасьевич. – К сожалению, не всегда так получается. Особенно в провинциальных газетах... Газету делают журналисты. Будем прямо говорить: люди они в большей части кабинетные. Ну выскочат в командировку, проедут по городам и весям, что-то увидят, что-то услышат – и гонят строчки в номер или эфир. И как же бывает досадно читать и слушать словесные побрякушки! Конечно, глубина познания действительности зависит от жизненного опыта, но не в меньшей степени – и от позиции. Что исповедует сам пишущий, взявшийся оценивать людские дела? Нельзя сделать газету убедительной руками неубежденных журналистов. Не оттого ли кидает нас на примерку чужой одежды, что не убеждены в искусстве своего народа шить одежду по своему плечу?»

В корень смотрел Иван Васильев, когда-то давший мне путевку в литературную жизнь предисловием к моей первой книжке «Землянка в лесу».

Размытость убеждений, желание угодить чиновному люду, кланам, насаждение чужих стандартов, стремление к материальному комфорту оборачиваются отрывом от народной жизни, что, в свою очередь, порождает серость и скуку на

газетных полосах. Это, думается, и случилось с «Тверской жизнью». И не только с ней. С появлением «новых ценностей» исчезло умение журналиста самостоятельно мыслить, анализировать, убеждать. Замечу: в тот период, когда появилась статья Васильева, это качество еще не было в столь остром дефиците, как в наши дни. На центральном уровне лишь газеты «Советская Россия», «Завтра», «Слово», «Аргументы недели», журнал «Наш современник», да еще несколько газет и журналов, его сохранили. Что уж говорить о региональной прессе.

Истекло уже несколько лет с той поры, как областная газета «Тверская жизнь» перестала существовать. Коллектив газеты публично этим не возмутился. Тверская «новая интеллигенция» не прореагировала. Между тем, с этой газетой, выходившей в разное годы под разными названиями, связаны более ста лет областной истории. И когда первые лица обладминистрации власти в День российской прессы рассуждают о «продолжении славных газетных традиций», я мысленно задаюсь вопросом: «Что это, господа? Дилетантизм ваш? Или лукавство ваше? Как можно говорить о «сохранении славных традиций» после уничтожения главного носителя традиций?»

Какие самоотверженные труженики пера работали в «Калининской правде» («Тверской жизни»)!

Иван Васильев, Павел Иванов, Алексей Матвеев, Сергей Душенков, Василий Быковский, Семен Флигельман, Александр Смирнов, Борис Лапченко, Юрий Красавин, Виктор Липин, Юрий Батасов, Марина Мотузка, Надежда Нестерова, Геннадий Сазонов, Михаил Петров, Нина Алексеева... Даже в

войну газета (под названием «Пролетарская правда») выходила для оккупированных западных районов Калининской области. Доставлялась курьерами, с риском для их жизни, через линию фронта. Одним из редакторов, третьим по счету, был мой земляк, друг моего отца (вместе сражались в партизанском отряде) Иван Иванович Капустников. А тут, в относительно благополучное время, холодным росчерком вынесли ей смертный приговор.

Впрочем, задолго до этого прекратился выход патриотических газет «Позиция», «Тверской собор», редактируемого Михаилом Петровым журнала «Русская провинция». Как говорил тогда Михаил Григорьевич, ему поставили условие: переименуй журнал в «Российскую провинцию», он отказался – финансирование прекратили. А что осталась-то на тверском информационном пространстве из областных печатных СМИ? Скучные, заполненные официозом «Тверские ведомости» (орган Законодательного собрания). Ну и созданные в 90-е годы частные «свободные» газетки, где основные темы: слухи, придуманные сенсации, трагические происшествия. К слову, свободными они никогда не были, ибо ориентированы на обслуживание местных кланов.

(продолжение на стр. 11).

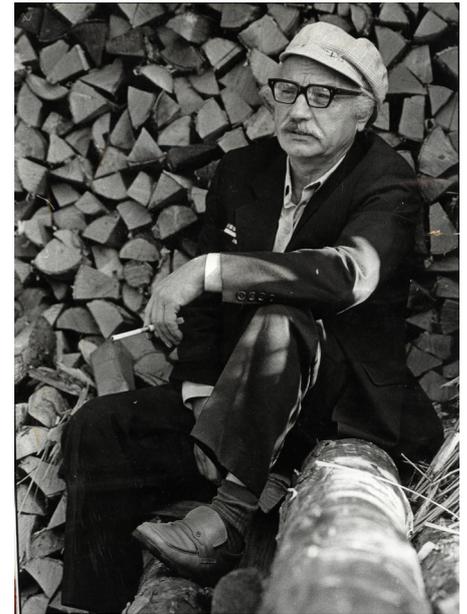
(начало на стр. 10).

Клановость – болезнь заразная и ныне укоренившаяся. Поскольку между кланами происходит, явно или тайно, соперничество за власть, за бюджетные потоки, то оно выливается на страницы этих частных газеток, особенно в период предвыборных кампаний. Ничего нового. Россия это проходила в начале прошлого века, когда Василий Розанов сравнивал буржуазного журналиста с «идиотическим унтером», засевающим в окопе с пулеметом в руках, а Константин Победоносцев – с «уличной торговкой», зазывающей купить ее товар. А как же насущные, беспокоящие народ темы? Демографический кризис? Запустение земли? Истребление лесов? Нравственное обнищание? Снижение интеллектуального уровня чиновничьего аппарата? Упадок провинциальной медицины и образования? Где пропаганда святости таких понятий как Родина, Государство, Труд, Достоинство? Эти темы остаются вне поля зрения или на втором плане.

Борьба с коррупцией, если и затрагивается, то преимущественно с точки зрения клановых интересов. Главное, что связывает кланы – круговая порука их членов на основе личной заинтересованности, выгоды, кумовства. Без чиновни-

чества тут, понятно, не обойтись. Посему актуальны и сейчас слова лауреата Ленинской и Государственной премий, премии «Слово к народу» Ивана Афанасьевича Васильева: *«Чем больше я, неся в себе веру в добро и правду, и, имея целью служение добру и правде, входил в мир чиновный, вникал в его заповеди, тем больше убеждался в его перерождении. И убеждали меня в этом вы, беспринципные «выгодники». Вас становилось все гуще и гуще, вы пожирали мир правды и веры, как гусеницы капусту. Меня отвратило от вашего мира...»*

Конечно, в этом «мире» разные люди. Есть среди них и уважаемые простыми людьми, толковые руководители. Стремящиеся использовать любую возможность на общее благо. Не боящиеся сказать правду-матку. Но в целом это «клановый мир», с общей идеологией, всеохватный и всевластный. Доминирующие кланы путем межклановых договоренностей определяют, кого и куда ставить, кого сместить, наградить, выдвинуть в депутаты. На мой взгляд, ими основательно дискредитированы областные награды, почетные звания, литературные премии, само понятие профессионализма. Похоже, нынешнему тверскому губернатору Игорю Рудене удалось ослабить клановое

влияние. Правда, лишь отчасти. Об этом свидетельствовала хотя бы затянувшаяся неразбериха с назначением глав муниципалитетов в ряде западных районов области.

Смена районного руководства, как правило, ведет к смене «команды» и нередко оборачивается проблемами для редакторов местных газет. Недавно на родине Героя Советского Союза Лизы Чайкиной в поселке Пено вынудили уволиться (с приходом новой муниципальной власти) опытного редактора газеты «Звезда» Валентину Никанорову. Я ее неплохо знаю. Валентина – человек твердых убеждений, патриот родного края, редактор и журналистка по призванию. Но что чиновникам до этого? Сдается, им нужно, прежде всего, послушание, а не профессионализм убежденных. Теперь мать двоих детей «стоит» на бирже труда. Где же так называемое журналистское сообщество? Почему помалкивает в тряпочку, не защитило коллегу? Да потому что сообщества давно нет. Каждый себе на уме и выживает в одиночку.

На излете прошлого года в Твери умер замечательный журналист, член Союза писателей России Александр Харченко. Почти сорок

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

лет он самоотверженно служил в ИТАР-ТАСС. Полсотни раз этот геройский человек был в «горячих точках», в том числе больше двадцати командировок совершено им в Чечню. Отмечен государственными наградами. Написал я о нем очерк. Задумался, где бы напечатать, и пришел к выводу: в Твери негде! Уж слишком не соответствует патриотический облик Александра Антоновича Харченко содержанию «свободных» «чужих одежек». Скрепя сердце, послал очерк в одну из них. Как и предполагал, она его не напечатала. Зато без проблем очерк увидел свет в «Советской России». Под многолетним началом подвижника русской журналистки Валентина Васильевича Чикина (он знал Ивана Афанасьевича, приезжал к нему в Борки), близкая, своя по духу когда-то для Васильева, «Советская Россия» по-прежнему авторитетное, уважаемое в народе издание. Не грешно бы и кремлевцам нашим, гораздым обрывать Россию в «чужие одежки», почаще брать народную газету в руки. Брать, чтобы размышлять, делать выводы. Ведь темы, которые она освещает, имеют государственное, национальное значение. С интересом читаю публикации Александра Фролова, Светланы Замлеловой, Александра Боброва, Валентина Катасонова, Юрия Емельянова, других постоянных авторов.

И все же недостает нам в современной журналистике, литературе, вдумчивых исследователей народной жизни, защитников земли русской, подобных Ивану Васильеву. Я не за возврат к прошлому, нет. Но и отрываться от него негоже, оно – опора настоящего и будущего. Вот, приходится слышать: бег времени ускорился, людям некогда читать большие статьи, настала пора «клипового мышления», и надо, мол,

писать кратко. Но что такое «клиповое мышление»? Это поделенное на части, фрагменты, рваное, без логической взаимосвязи частного и целого, мышление, которое не позволяет человеку остановиться и задуматься, а что, собственно, происходит. С миром, страной, с каждым из нас? Где добро и где зло? Кто враг, а кто друг? Куда мы движемся? Какое общество строим? Для чего живем? Практически это – отсутствие мысли и мышления!

Однако умысел в этой «чужой одежке» есть. «Новой элите» не нужны думающие люди. Им нужны послушные человечки, «колесики» и «винтики», которые исправно крутились бы в заданном направлении, будучи не в состоянии понять причины и суть происходящего. Для «изготовления» таковых действует огромная информационная машина, устроенная по западному образцу. Она оглушает, отвлекает от насущного, вводит в состояние депрессии. Но очень хочется верить: придет, обязательно придет тот день и час, когда и на государственном уровне востребуются умное, наполненное правдой жизни русское слово. Тогда и будет по-настоящему осознано подлинное, действительное значение Ивана Афанасьевича Васильева и сделанного им. Спрос на родные одежки, на убежденных патриотов можно на время пригасить, заглушить. А отменить или запретить его невозможно. Он, подобно ручейку из чистого деревенского родника, все равно вырвется наружу.

Валерий Кириллов,
лауреат премии «Слово к народу»

г. Андреаполь

На снимке: калининские журналисты в гостях у Ивана Васильева. Борки. 1989 г.; Иван Васильев в селе Борки (Псковская область). 1983 г.

«Овация» в Старице

В Твери, при ДК «Пролетарка», много лет действует танцевальный клуб «Овация». Недавно танцоры посетили Старицу, где побывали в Доме купца Филиппова на «Пушкинском балу». Хозяйки бала рассказали его участникам о пребывании Александра Сергеевича Пушкина в Старице, познакомили с традициями уездного бала, развлекали салонными играми. К примеру, дамы и кавалеры с удовольствием познакомились с популярным в XIX веке языком веера. Весь вечер в старинной зале звучала музыка. Нарядные пары кружились в танце: полонез, мазурка, вальс... «Бал удался, Пушкину бы точно понравилось!» – так оценили это событие его участники.

Марина Карпухина

По проекту «Инклюзиона»

В Торжке и Вышнем Волочке с большим успехом прошли гастроли труппы Центра творческих проектов «Инклюзион». Коллектив выступил со спектаклем «Кармен». Его посмотрели сотни жителей Тверской области. В спектакле были заняты актеры московских театров и артисты с инвалидностью. Гастроли состоялись в рамках реализуемого проекта «Инклюзион» – малым городам.

Н. Дроздова

Владимир Дмитриевич Карандашов родился 1 сентября 1946 года в деревне Заозерье Селижаровского района. Окончил Рыбинский лесной техникум, служил срочную службу в ВМФ. Выпускник Киевского высшего военно-морского политического училища, Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Проходил службу на боевых кораблях, в частях Краснознаменного Тихоокеанского флота, на Камчатке и в Приморье на атомной подводной лодке. Участник дальних океанских походов. Капитан первого ранга, доктор философских наук, профессор. Имеет государственные награды СССР и России. Автор книг «Социальная коммуникация как фактор формирования ценностных ориентаций военнослужащих (философско-социологический анализ)», «История стран Востока», «Адмирал с «Гангута», «Древние Оковцы или быть ли русскому народу?» и др. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге. Публикуемый (в сокращении) материал предложен автором для «Двинского бережка».

ЗЕМЛЯ ОКОВЕЦКАЯ

ИСТОРИЯ села Оковцы и земли оковецкой увлекательна и поучительна. Беседа с молодежью, да и со старожилами этих мест, убеждаешься, что и истории своего края, и земли, на которой они живут и трудятся, многие совершенно не знают. К сожалению, сама история села Оковцы и Оковского леса мало изучена, слабо исследована и недостаточно освещена в нашей исторической науке и краеведении. В дооктябрьский период в разное время появлялись отдельные публикации В. Крылова, В. Успенского. И Токмакова, посвященные историческому и археологическому описанию села Оковцы. В наши дни об Оковцах и Оковском лесу писали калининский журналист В. Исаков, местные краеведы И. Григорьев, Б. Скворцов и В. Смирнов.

Те, кто хоть раз бывал в Оковцах и Оковском лесу, навсегда унесут с собой в памяти удивительную красоту здешних мест. Во времена седой древности на месте нынешнего села Оковцы на левом берегу речки Пыршни (ныне Пырошня), на крутых холмах находилось Пыршенское городище. Крутые склоны этих холмов были покрыты дремучим лесом. Пыршенское городище, где селились наши предки, – город тысячелетней древности. В нем когда-то шла забытая, непонятная теперь для нас жизнь.

Древнейший русский лес, название которому в летописях дано Оковский, первоначально занимал крупнейшую территорию между Тверью, Смоленском и Новгородом. Название его идет от первых обитателей этого края

– древних финнов. «Оки» по-фински означает «река». Финны его называли «лесом рек». От Оковского леса и пошло название села Оковцы. Из Оковского леса берут начало три большие реки: Волга, Западная Двина и Днепр. В некоторых старинных источниках есть упоминание о том, что раньше Днепр называли Оковецким.

Первое упоминание о древнейшем Оковском лесу было сделано в «Повести временных лет»: «Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок по Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера входит в море Варяжское. И по морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в него же впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса вытекает и течет на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью протоками в море Хвалиское...»

Судя из летописи, Оковский лес, из которого расходились реки во все стороны света, был серединой мира, перекрестком славянских племен. Об этом напоминает нам множество сохранившихся здесь курганов.

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Древнее предание рассказывает об истории создания Оковецкой церкви и села Оковцы. На одной стороне с Пыршенским городищем в двух верстах к западу находилась деревня Ключки. За рекою, на противоположной стороне, располагались у погоста Солодомля земли бывшего воина князей московских - помещика Ивана Стефановича Повадина. В одной из повадинских деревень жили два вора: Иван Пономарев и его родной дядя по отцу Ермолай. Они сговорились с двумя ключковскими ворами о краже и обмене двух коров и двух лошадей. Придя для обмена на Пыршенское городище, воры увидели в сосняке пригвожденный на дереве «животворный крест», изображенный на иконе. Ермолай и Иван тут же решили уведомить об увиденном «чуде» жителей деревни Ключки, а затем было сообщено об этом и на погост Солодомля. Прибывший с Солодомли черноризец монах Стефан обнаружил на сосне и другую икону Пресвятой Богородицы Одигитрии. Как отмечают русские рукописи, «это было в лето 7047 (1539) во дни державного и благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, при преосвященном митрополите Московском и всея Руси Иоасафе...»

Убедившись в «чуде», Иван IV Васильевич Грозный приказал поставить на месте явления икон две церкви. Лично сам Иван Грозный снабдил эти церкви «приличной утварью».

Со времени явления на Пыршенском городище икон и построения деревянных церквей местность стала называться Оковцами. Это название встречается в

первый раз в летописях от 1547 года по случаю побега из Москвы опальных князей Михаила Глинского и Турунтая Пронского. Именно тогда эти князья после убийства московским мятежным народом князя Юрия Глинского для безопасности побежали было из Москвы в Литву, но по дороге были захвачены князем Петром Шуйским во Ржевском уезде «в тесных и непроходимых местах» и представлены были в Москву. В свое оправдание перед Иваном Грозным они сказали, что «ехали в Оковцы помолиться Пречистой».

Вскоре после упомянутых выше событий, с увеличением населения в селе Оковцы, образуется Оковецкая волость. Об этой волости упоминается в первый раз в грамоте царя Федора Ивановича в 1595 году. В конце XVI века и в самом начале XVII столетия поселение называется Оковецкой слободой.

В 1750 году в Оковцах на месте деревянной начинается строительство каменной церкви. Строит ее одаренный осташковский мастер Иван Семенович Мосягин. Он создает оригинальную во всей округе церковь Смоленской Богоматери Одигитрии Оковецкой. Освящение церкви по указанию архиепископа Тверского Вениамина было совершено 15 июля 1754 года. В 1755-1756 гг. Иваном Мосягиным при церкви, над запасным ее входом, построена каменная колокольня. До 1781 года село Оковцы со всеми деревнями состоит в Ржевском уезде. Когда Осташков из посада переименовывается в город, делается новое разграничение Ржевского уезда от Осташковского, по которому село Оковцы переходит в Осташковский уезд.

Ценность церкви составлял большой колокол весом в 98 пу-

дов (1568 килограммов), который был отлит в 1776 году под руководством статского советника Ивана Ивановича Строева, бывшего по военному званию бригадиром (офицерский чин в русской армии, промежуточный между полковником и генерал-майором). Полы в главном храме в 1798 году были чугунные вместо прежних деревянных.

В 1860 году вокруг церкви была сделана новая ограда из дикого камня, обтесанного с лицевой стороны и связанного известью. В 1870 году двери вновь перезолочены червонным золотом на пожертвования крестьянина Михаила Ефимова из деревни Замощье Осташковского уезда. Иконостас главного каменного храма был пятирусный с золоченой резьбой и колоннами. В 1871 году была произведена перестройка церкви. Прежняя колокольня, стоявшая перед западным входом в церковь, была разобрана и перестроена заново.

В 1891 году иконостас был выполнен осташковским мастером Акимом Артюховым, а в приделе (часовне) делал ржевский мастер Николай Садовников. Царские двери в иконостасе главного храма были пожертвованы из осташковского Троицкого собора. На них рельефною резьбою была изображена Тайная Вечеря Иисуса Христа с Апостолами.

Особо важной реликвией Оковецкой церкви являлась икона Пресвятой Богородицы Одигитрии Смоленской, составляющая несравненное украшение и славу собора. Первая отделка иконы золотом, серебром и жемчужной ризой была сделана спустя два столетия.

«Соловьёвская строфа»

Осечно известно двумя именами – поэта Владимира Соловьёва, автора нескольких замечательных сборников, и скульптора Николая Силиса, автора «Вечного огня» – из мозаики и бетона – в память о погибших во время войны односельчанах. Первый ушёл от нас ещё в конце прошлого года, в возрасте чуть старше 60 лет, другой дожил до 90, но долгая дружба этих равновеликих личностей своим благородным отсветом ложится на каждого гостя. На участников поэтического конкурса «Соловьёвская строфа», разумеется, тоже. В этом году среди них несколько студентов (преимущественно студенток) филфака ТвГУ, а также давно уже

не студент Константин Чабановский. В 2020 году у него вышла небольшая по объёму, но глубокая по содержанию книжка «Чернобыль» Люди, не верящие в случайности, уже обратили внимание на то, что в том же самом Осечно живёт и

другой современный поэт с именем Владимир Соловьёв. В этом году жюри заслуженно назвало его победителем «Соловьёвской строфы».

Татьяна Михайлова

г. Тверь

Наши на Дельфийских играх

В Перми прошли XX молодежные Дельфийские игры России. Делегацию Тверской области представили 12 человек в возрасте от 10 до 19 лет. По результатам конкурсов бронзовой медалью в номинации «Изобразительное искусство» награждена Мария Волкова, студентка 4 курса ГБП ОУ «Тверской художественный колледж им. А.Г. Венецианова».

Бронзовой медалью в номинации «Цирковое искусство» награжден цирковой дуэт «Одуванчик» ДШИ при ГБП ОУ «Тверской колледж культуры им. Н.А. Львова» Ангелина Сретенская и Анастасия Сараева. Специальным дипломом в номинации «Цирковое искусство» «За яркость образа» награждена Анна Шакуло, студентка 1 курса ГБП ОУ «Тверской колледж культуры им. Н.А. Львова».

Н. Сидорова

Юбилейная выставка

В Твери большой интерес горожан вызвала художественная выставка, приуроченная к 155-летию областной картинной галереи. Местом ее проведения стал императорский дворец. Коллекция произведений изобразительного искусства Тверской картинной галереи одна из богатейших

в русской провинции, почти вдвое старше самого учреждения. Ее история начинается в 1866 году, когда в Твери открылся публичный музей. Сегодня в галерее находится около 50 тысяч единиц хранения. В рамках юбилейной выставки было представлено 55 произведений живописи XVIII – начала XX века, принадлежащих к «догалерейскому» периоду в истории собрания. Подавляющее большинство произведений картинная галерея показала впервые. Среди наиболее заметных экспонатов – портрет императрицы Екатерины I, храмовый образ «Св. Александр Невский», уникальное полотно «Портреты тверских архиереев».

Широко представлены дворянский и купеческий портреты, произведения бытовой и религиозной тематики.

Н. Иванова

Золотой запас

Сергей Викулов

(1922-2006)

«НЕЛЕГКУЮ ТЫ ВЫБРАЛА МНЕ ДОЛЮ...»

Нелёгкую ты выбрала мне долю –
дала бумагу мне, перо дала...
О Русь моя, колосья по подолу,
и синь в глазах, и солнце у чела!

Ты вечная, моложе век от века!
Тебе, моя великая страна,
ни позолота лести человека,
ни пудра фраз красивых не нужна.

И ты, великодушная на диво,
казни меня забвеньем, коль солгу...
И без меня ты можешь быть
счастливой –
я без тебя, Россия, не могу.

Татьяна Глушкова

(1939-2001)

ВЕЧЕРА РУССКОЙ МУЗЫКИ

Совсем не страшно – на свирели,
на лире, лезвии ножа,
пока и в мае, и в апреле,
листами нотными шурша,
кружат Свиридова метели,
поет Гаврилина душа.

И, умилен Вечерней жертвой,
ты прячешься между колонн.
Какою радостью бессмертной
тут каждый звук посеребрен!

Какой смиренной печалью,
какой властительной мечтой...
И плачет ночь под черной шалью,
и пляшет месяц молодой.

И сами звезды колядуют,
и вьются ленты голосов,
и музы в лоб тебя целуют,
начетчик букв, поденщик слов.

Тебя коснулось дуновение
привольных сфер, отверстых недр –
дубрав купальское волнение,
Фавора златоверхий ветр.

Юрий Кузнецов

(1941-2003)

ОТПОВЕДЬ

Что за племя на свет народилось?
Не прогнать и собакой цепной.
Обделила их Божия милость,
Так желают урвать от земной.

Раз поэт, открывая свою душу.
Те стучатся, а эти стучат
И трясут мою славу, как грушу.
– Кто такие? – Свои, – говорят.

Кроме наглых надежд и тумана,
Ни крестов, ни кустов, ни идей.
Ах вы голые карлы обмана,
Постыдились хотя бы людей!

Плащ поэта бросаю – ловите!
Он согнёт вас до самой земли.

Волочите его, волочите,
У Олимпа сшибая рубли.

Вон отсель поперечно-продольно,
Проходимцы души и дорог.
Не хочу. Презираю. Довольно
Обивать мой высокий порог.

Леонид Корнилов

(Род в 1952 .)

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Мир стоит у расстрельной стены
И прощается с жизнью покорно.
Но у ангелов нашей страны
Превращаются крылья в погоны.
И встают они в воинский строй.
И воюют с солдатом на равных.
Так же смотрят на небо порой.
Так же – швы остаются на ранах.
Так же делят на всех сухпаёк.
Та же выправка, если хотите.
Даже Богу, порой, невдомёк:
Кто – солдат, а кто –

ангел-хранитель.

Но, когда наш военный успех
Тонет в лаве кровавой по горло,
В атакующем крике у всех
Превращаются в крылья погоны...
И, придя на победный парад,
Вы увидите, если хотите:
В русской армии каждый солдат
По призванию Ангел-Хранитель.